

Елена К.

Адское радио: советую не слушать

18+

Елена К.

Адское радио: советую не слушать

«Автор»
2026

К. Е.

Адское радио: советую не слушать / Е. К. — «Автор», 2026

В забытом богом Глухово ходит одно правило, которое повторяют шёпотом, будто само слово «радио» может его приманить: «Советую не слушать».
Но Кира не верит в легенды — она верит в факты. А факты упрямы: старый радиоузел над заброшенными штреками ловит сигналы, которых не должно существовать. Сигналы, написанные символами, от которых стынет кровь.Кира хочет понять. Она хочет приручить тайну. И она нажимает кнопку.Дверь открывается — не с грохотом, а с тихим, почти вежливым щелчком. И из неё льётся не звук, а сама пустота, стирающая реальность: сначала запахи, потом цвета, потом имена, потом саму память о том, что значит «быть». Город исчезает, люди становятся тенями, а тишина обретает голос — и этот голос зовёт.Ольга, Аркадий и Глеб пытаются остановить то, что уже нельзя остановить. Но ад не торгуется. Он просто берёт.Это история о том, как любопытство становится проклятием, а последнее предупреждение — эпитафией. Не настраивайся на эту волну. Даже если очень хочется.

© К. Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ржавый шёпот 6
Глава 2. Каменная лента и голос из эфира 9
Глава 3. Голос, который не отпускает 11
Глава 4. Архив, который шепчет 13
Глава 5. Запись поверх боли 16
Глава 6. Голос в чужих снах 19
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Адское радио: советую не слушать

Все события, имена, места и совпадения в этой книге — чистая случайность. Ни город Глухово, ни Кира, ни Ольга, ни остальные герои не имеют прототипов в реальной жизни. Любые переклички с настоящими людьми, городами или происшествиями — лишь игра вероятностей, не более того.

Это просто история, родившаяся из тишины и теней, — и пусть она остаётся только на этих страницах.

Глава 1. Ржавый шёпот

Поезд остановился так резко, будто не сам решил затормозить, а его кто-то дёрнул за невидимую цепь. Ольга Шумова почувствовала, как внутри неё что-то дрогнуло — не от инерции, а будто её нервная система на долю секунды потеряла синхронизацию с миром. За окном стояла тишина, какая бывает только в местах, где жизнь давно перестала быть главной темой. Станция «Глухово» — название звучало как диагноз, будто город заранее предупреждал: здесь не лечат, здесь запоминают боль.

Ольга вышла на перрон, и первым, что ударило по нервам, был не холод — он пришёл чуть позже, — а отсутствие фонового шума. В больших городах всегда есть гул: ветер, провода, далёкие машины, дыхание города. Здесь же тишина была плотной, как вата, и в ней слышалось что-то ещё. Тонкий, едва уловимый скрип, будто кто-то очень медленно водил гвоздём по стеклу где-то глубоко под землёй, в слоях, куда не добирается солнце.

Она сжала ручку чемодана так, что побелели костяшки. Её слух всегда был слишком острым — проклятие звукорежиссёра. Но сейчас это чувство было другим. Это был не просто звук. Это было ощущение звука — как будто тишина сама по себе вибрировала, и эта вибрация искала, к чему прицепиться. Ольга знала: если долго вслушиваться в такую тишину, она начинает шептать.

Город встретил её запахом сырости и старой краски, будто кто-то когда-то пытался его перекрасить, но краска не удержалась на стенах, как не удерживается здесь ничего живого. Дома стояли тесно, будто боялись развалиться, если отодвинуться друг от друга. На углу, у закрытого киоска, курила Рита — та самая журналистка, с которой Ольга договаривалась о встрече. Она выглядела так, будто город пытался её стереть, но она упрямо оставалась на месте: короткая стрижка, куртка с оторванной пуговицей, взгляд, в котором читалось: «Я знаю, что здесь не так, но не хочу об этом говорить».

— Ты опоздала на пять минут, — сказала Рита, не глядя на Ольгу. — Но тут время течёт иначе. Пять минут могут быть пятью днями.

Ольга хотела пошутить, разрядить напряжение, но слова застряли в горле. Вместо этого она спросила:

— Ты тоже это слышишь?

Рита наконец подняла глаза. В них мелькнуло что-то похожее на узнавание — будто она ждала этого вопроса, но надеялась, что его не зададут.

— Что?

— Этот скрип. Как будто металл трётся о камень. Очень глубоко.

Рита затянулась, выпустила дым и посмотрела куда-то за плечо Ольги, туда, где начиналась дорога к старой шахте. Её взгляд будто проваливался в эту темноту.

— Тут все что-то слышат. Кто-то — голоса, кто-то — шаги. А кто-то вообще ничего. Тебе повезло, что ты слышишь. Значит, ты не совсем глухая к этому месту.

Они пошли по разбитой дороге, и с каждым шагом тишина становилась всё более осязаемой. Ольга чувствовала, как она обволакивает её, как холодная вода. В кармане куртки лежал диктофон — её щит и оружие. Она включила его, просто чтобы слышать собственный голос среди этой тишины, чтобы напомнить себе: она здесь, она реальна.

— Зачем ты приехала? — спросила Рита, когда они свернули на тропинку, ведущую к заброшенному цеху.

— Хочу записать «тишину», — ответила Ольга. — Для проекта. Звуковой портрет места, где нет звука.

Рита хмыкнула, но в этом звуке не было насмешки — скорее горькое понимание, будто она сама когда-то верила в такие вещи.

— Тут нет тишины. Тут просто звуки, которые никто не хочет слышать.

Цех стоял на окраине, будто стыдясь своего прошлого. Двери были сорваны, окна выбиты, а внутри пахло ржавчиной и чем-то ещё — старым страхом, который въелся в стены, как плесень. Ольга остановилась на пороге, прислушиваясь. И тут она услышала это — не скрип, не шёпот, а что-то среднее между ними. Звук, который не должен был существовать. Он шёл не снаружи. Он шёл изнутри самого здания, будто стены помнили каждый удар молота, каждый крик, каждый обвал, и теперь эти воспоминания искали выход.

В углу, среди обломков, лежал болт. Обычный ржавый болт, но что-то в нём было не так. Ржавчина на нём не осыпалась — она будто пульсировала, как тонкая корка, готовая треснуть и выпустить то, что пряталось под ней. Ольга подошла ближе, чувствуя, как по спине ползёт холод, не от температуры, а от чего-то внутри — будто этот предмет знал о ней больше, чем она сама. Она достала перчатки, но даже через них ощутила, как металл дрожит — не от вибрации, а будто внутри него кто-то шевелился, пытаясь выбраться.

— Не трогай, — тихо сказала Рита. — Местные говорят, что этот болт «живёт».

Но Ольга уже взяла его. И в тот же момент мир вокруг неё сдвинулся.

Диктофон, который она поднесла к болту, записал не тишину. Он записал шёпот. Не слова, а обрывки дыхания, смешанные с чем-то, что звучало как стон камня. Ольга знала этот звук: так скрипят балки перед обрушением. Только этот скрип шёл не снаружи. Он шёл изнутри металла, будто сам болт был полой трубой, по которой ползли чужие воспоминания.

На экране диктофона появилась частота — 18,7 Гц. Инфразвук. Тот самый, от которого сердце начинает биться в такт чужой панике. Ольга почувствовала, как её собственное сердце сбивается с ритма, подстраиваясь под этот чужой, холодный пульс. Перед глазами мелькнули обрывки воспоминаний: тёмная комната, чей-то крик, запах гари. Она моргнула, и видение исчезло, но ощущение осталось — как царапина, которую не видно, но чувствуешь.

И тут она увидела Глеба. Он стоял в дверях, будто вырос из темноты. Высокий, сутулый, с лицом, изрезанным морщинами, как карта старых шахт. Он смотрел на болт в руке Ольги так, будто видел не металл, а что-то гораздо более страшное — будто он знал, что этот предмет умеет делать с людьми.

— Ты не понимаешь, что держишь, — сказал он, и его голос прозвучал как эхо из другого времени. — Этот болт не просто ржавеет. Он помнит. И он хочет, чтобы его услышали.

Ольга хотела спросить, что он имеет в виду, но слова не шли. Вместо этого она почувствовала, как болт в её руке становится тяжелее, будто впитывал её страх и делал его своим. И в этот момент из диктофона раздался звук, которого не должно было быть: тихий, едва уловимый шёпот на языке, которого Ольга не знала, но который почему-то казался ей знакомым. Будто кто-то звал её по имени — но не её нынешнему, а тому, что она носила в детстве, когда ещё верила, что темнота — это просто отсутствие света.

Глеб шагнул вперёд и резко выхватил болт из её руки. Металл звякнул, ударившись о бетон, и звук этот прозвучал как выстрел в тишине.

— Уходи отсюда, — сказал Глеб, и в его голосе не было угрозы — только усталость человека, который слишком долго жил с этим страхом и знал, что его нельзя передать словами. — Это место не прощает тех, кто приходит с вопросами.

Но Ольга не могла уйти. Она чувствовала, как этот звук — этот ржавый шёпот — уже проник в неё, как холодный металл под кожу. Он не просто записывал звуки. Он записывал боль. И теперь эта боль стала её.

Рита подошла к Ольге и положила руку ей на плечо. Её пальцы были холодными, но в этом холоде было что-то успокаивающее — как будто она знала, что иногда единственное, что можно сделать, это просто стоять рядом.

— Пойдём, — сказала она. — Я покажу тебе место, где можно спрятаться от этого звука. Хотя бы на время.

Ольга кивнула, но знала: спрятаться не получится. Этот звук уже был внутри неё. Он ждал своего часа, чтобы вырваться наружу.

Пока они шли обратно, Ольга всё время прислушивалась — не к шагам, не к ветру, а к тому, что теперь жило внутри неё. Ей казалось, что если она остановится и замрёт, то услышит, как в её груди тихо, почти неслышно, скрежещет ржавый металл.

Глава 2. Каменная лента и голос из эфира

Ночь в Глухово пахла углём и мокрым железом. В комнате, которую Ольге сдала хозяйка с лицом, будто вырезанным из старого дерева, скрипели половицы — и каждый скрип отзывался в груди, как чужой вздох. Ольга не спала. Она сидела на краю кровати, сжимая в руках диктофон, и слушала тишину. Но тишина больше не была пустой. В ней шевелилось что-то новое — тонкий, прерывистый гул, похожий на дыхание сквозь помехи.

Рита пришла на рассвете, постучав так, будто боялась разбудить стены. В её глазах читалась усталость человека, который слишком долго притворялся, что ничего не боится.

— Глеб согласился нас пустить, — сказала она, не глядя на Ольгу. — Но только до первой отметки. И только если ты не будешь ничего трогать.

Ольга кивнула, хотя знала: она уже тронула. Тот ржавый болт оставил в ней что-то, что нельзя было стереть.

Путь к шахте «Северная» шёл через пустырь, где ветер гнал по земле обрывки газет и ржавую проволоку. Глеб ждал у входа — у того самого проёма, который выглядел как чёрная пасть, готовая проглотить свет. Он был в старом брезентовом плаще, и казалось, что сам воздух обтекает его, не решаясь коснуться.

— Ты помнишь, что я сказал вчера? — спросил он, глядя не на Ольгу, а куда-то сквозь неё. — Это место не прощает вопросов.

— Я не за ответами, — тихо ответила Ольга. — Я за звуком.

Глеб хмыкнул, но в этом звуке не было насмешки — только горечь человека, который знает, что звук может быть опаснее любого слова.

Они спустились по узкой лестнице, где ступени были стёрты до блеска от тысяч подошв, которые когда-то спешили вниз и не спешили возвращаться. С каждым шагом воздух становился тяжелее, будто его пропитывали страхом. На отметке минус тридцать Глеб остановился и показал на стену.

— Смотри, — сказал он, проводя фонариком по породе. — Видишь эти слои? Тонкие, как слюда, но твёрдые, как стекло. Мы называли их «каменными лентами». Они не просто камень. Они… записывают.

Ольга подошла ближе. Слои действительно напоминали плёнку — полупрозрачные, с перламутровым отливом, будто внутри них застыл свет, который никогда не рождался. Она протянула руку, но Глеб резко схватил её за запястье.

— Не трогай, — прошептал он. — Они не только записывают звук. Они записывают… боль. И когда ты касаешься, она просыпается.

Но Ольга уже почувствовала. Не прикосновением, а слухом. В её ушах вдруг возник звук — не шёпот, не крик, а что-то среднее между ними. Это был звук падения в темноту, звук, который не должен был существовать в её памяти. Перед глазами мелькнуло: узкая шахта, фонарь, который гаснет, и голос, зовущий кого-то по имени — не её, но такой знакомый, будто она слышала его в прошлой жизни.

Она отшатнулась, прижав ладонь к виску.

— Что это было? — прошептала она.

— Это лента, — глухо ответил Глеб. — Она помнит всё. Каждый обвал, каждый крик, каждую секунду, когда человек понимал, что выхода нет.

В этот момент в кармане Ольги завибрировал диктофон. Она вытащила его, и экран показал странную вещь: частота, которую он поймал, не была похожа ни на один известный сигнал. Цифры бежали, как в лихорадке: 18,7… 23,4… 31,9… и вдруг — резкий скачок до 44,1 Гц, будто кто-то щёлкнул переключателем.

И из динамика раздался голос.

Не человеческий. Не механический. Что-то среднее — как если бы радио говорило на языке, который существовал до слов. Звуки складывались в ритм, в мелодию, которая не приносила утешения, а царапала слух. Это было «адское радио» — трансляция из места, где боль стала эфиром.

Рита, стоявшая позади, побледнела.

— Выключи, — прошептала она. — Пожалуйста, выключи.

Но Ольга не могла. Голос тянулся к ней, как невидимая нить, и она чувствовала, как её память начинает трещать по швам, пропуская чужие воспоминания. Она видела лицо Глеба — не сейчас, а тогда, много лет назад, когда он стоял у этой самой стены и кричал в темноту имя, которое теперь не мог вспомнить. Видела Риту — маленькую девочку, которая пряталась в подвале, пока над головой рушился дом. Видела себя — и это было страшнее всего: она видела, как её собственные страхи сплетаются с чужими, становясь чем-то большим, чем просто воспоминание.

Диктофон щёлкнул, и голос изменился. Теперь это был не абстрактный шум, а слова — искажённые, будто произнесённые сквозь воду, но всё же понятные:

«Ты не одна. Мы все здесь. Мы ждём…»

Ольга закричала — и звук её голоса ударил по стенам, заставив каменные ленты вибрировать. Тонкие слои зазвенели, как струны, и из них вырвался хор — шёпот тысяч голосов, которые когда-то кричали в этой шахте и теперь нашли способ говорить снова.

Глеб рванулся вперёд и выхватил диктофон из её рук. Экран погас, и тишина вернулась — но теперь она была другой. Она дышала.

— Хватит, — выдохнул он, сжимая кулаки. — Ты не понимаешь, что ты делаешь. Ты не просто записываешь звук. Ты открываешь дверь.

Ольга смотрела на него, и в её глазах отражался ужас понимания: она действительно открыла дверь. И теперь не знала, как её закрыть.

Рита подошла к ней и обняла — крепко, до хруста в рёбрах, как будто хотела вернуть её в реальность.

— Пойдём, — сказала она. — Здесь больше нечего слушать.

Но Ольга знала: теперь она будет слышать это всегда. Даже в полной тишине. Даже с закрытыми ушами.

Пока они поднимались наверх, Ольга всё время прислушивалась — не к шагам, не к скрипу лестницы, а к тому, что теперь жило внутри неё. Ей казалось, что если она остановится и замрёт, то услышит, как в её груди тихо, почти неслышно, скрежещет ржавый металл, а где-то далеко, за пределами этого мира, продолжает вещать адское радио — бесконечная трансляция чужой боли, которую она теперь носила в себе.

Глава 3. Голос, который не отпускает

Шахта «Северная» не любила спешки. Она вообще ничего не любила — только тишину, которую сама же и нарушала. Глеб знал это лучше всех. Он провёл здесь столько лет, что уже не мог отделить свои воспоминания от памяти самой шахты: где заканчивался он и начиналась она — он перестал понимать ещё тогда, в тот день, когда впервые услышал голос.

Сейчас, поднимаясь по лестнице вслед за Ольгой и Ритой, он чувствовал, как старые шрамы на душе натягиваются, будто их кто-то дёргает за нити. Ему хотелось схватить Ольгу за плечо, встряхнуть и крикнуть: «Не лезь туда, где уже всё сломано!» — но он знал, что слова тут не помогут. Этот звук не боится слов. Он их перемалывает и выплёвывает обратно искажёнными.

Когда они выбрались на поверхность, воздух ударил в лёгкие, как ледяной кулак. Ольга стояла, прижав ладонь к груди, будто пыталась удержать внутри то, что рвалось наружу. Рита закурила, не глядя ни на кого, — её способ сказать: «Мы ещё живы».

Глеб не выдержал.

— Садитесь, — хрипло бросил он, кивнув на бетонные блоки у входа. — Я расскажу, как это началось. Только не ждите, что будет красиво.

Они сели. Ветер шевелил обрывки бумаги, и этот шелест звучал как чужой шёпот.

— Это было двадцать три года назад, — начал Глеб, глядя не на них, а в пустоту перед собой. — Тогда шахта ещё работала, и мы думали, что знаем, как с ней обращаться. Я был горным инженером, молодым, уверенным, что, если есть план — значит, всё под контролем. В тот день мы бурили новый ствол. Спускались втроём: я, мой напарник Костя и стажёр Игорь.

Он помолчал, будто прислушиваясь к тому, что звучало только у него в голове.

— Мы дошли до отметки минус шестьдесят. Там порода была странной — слоистая, будто кто-то нарочно сложил камень тонкими листами. Костя тогда пошутил: «Как будто тут кто-то записывал музыку на камне». Мы посмеялись. А потом… потом стало не до смеха.

Глеб сжал кулаки, и костяшки побелели.

— Сначала это был просто треск. Лёгкий, как будто где-то далеко лопнула тонкая плёнка. Потом — гул. Не вибрация, а именно гул, будто шахта начала дышать. Игорь первым заметил: его рация вдруг захлебнулась помехами, а потом из неё пошёл звук. Не слова, а… ритм. Как будто кто-то отбивал сигнал в темноте.

Ольга вздрогнула, будто этот звук вдруг снова коснулся её слуха.

— Костя попытался связаться с поверхностью, — продолжил Глеб. — Но эфир был мёртв. Только этот ритм. И вдруг — голос. Не чей-то конкретный, а будто собранный из тысяч голосов сразу. Он говорил не на языке, а на… эмоциях. Ты слышал его — и сразу понимал: это предупреждение. Но не словами, а холодом, который полз по спине.

Рита тихо выдохнула дым, и в её глазах мелькнуло понимание.

— Игорь сорвался, — глухо сказал Глеб. — Побежал наверх, хотя мы кричали ему не делать этого. Он не слушал. А потом — обвал. Небольшой, но в том месте, где он бежал, свод не выдержал. Мы с Костей пытались его вытащить, но… не успели.

Он замолчал. Тишина стала тяжёлой, как мокрый бетон.

— После этого шахта будто… изменилась. Мы стали замечать странные вещи. На диктофонах появлялись записи, которых мы не делали. В стенах слышался шёпот, будто камень повторял наши слова, но с другим смыслом. А потом я понял: это не камень повторяет. Это он… запоминает. И возвращает.

Ольга наклонилась вперёд, будто хотела поймать каждое слово.

— Тот голос… — прошептала она. — Он всё ещё звучит?

Глеб кивнул.

— Да. Не каждый день. Не каждую ночь. Но он возвращается. Особенно когда кто-то пытается его услышать. Как ты вчера с болтом. Ты не просто записала звук. Ты дала ему точку опоры. Теперь он будет искать тебя.

— Но почему именно меня? — тихо спросила Ольга.

— Потому что ты умеешь слышать то, что другие не замечают, — ответил Глеб, и в его голосе не было ни осуждения, ни жалости — только горькая правда. — И потому что ты не боишься тишины. А тишина здесь — это ловушка. Она ждёт, когда ты заговоришь, чтобы ответить.

В этот момент в кармане Ольги снова тихо завибрировал диктофон. Она вытащила его, и экран показал ту самую частоту — 44,1 Гц. Из динамика не шёл голос, не было слов. Только низкий, тягучий гул, похожий на дыхание огромного существа, которое проснулось где-то глубоко под землёй.

Рита резко встала.

— Выключи, — сказала она, и в её голосе звенел страх. — Пожалуйста, выключи.

Ольга нажала кнопку, и гул оборвался, будто его отрезали ножом. Но тишина после него была другой — она звенела, как натянутая струна.

— Теперь ты понимаешь, — тихо сказал Глеб. — Этот голос не уходит. Он просто ждёт. И если ты снова его услышишь — не пытайся ответить. Потому что, когда ты отвечаешь, дверь открывается шире.

Ольга кивнула, но знала: она уже ответила. Не словами, а своим вниманием. И теперь этот голос будет идти за ней, как тень, которая не исчезает даже на свету.

Пока они шли обратно в город, Ольга всё время прислушивалась — не к шагам, не к ветру, а к тому, что теперь жило внутри неё. Ей казалось, что если она остановится и замрёт, то услышит, как в её груди тихо, почти неслышно, скрежещет ржавый металл, а где-то далеко, за пределами этого мира, продолжает вещать адское радио — бесконечная трансляция чужой боли, к которой она теперь была подключена.

Глава 4. Архив, который шепчет

Рита не любила архивы. В её представлении это были пыльные комнаты, где время застыло, как смола, и в нём навеки увязли чужие ошибки. Но сегодня она шла туда не ради статьи и не ради истории города — она шла за доказательством, что не сошла с ума.

Городской архив ютился в подвале бывшей котельной — низком, сыром помещении, где пахло плесенью и старой бумагой. Свет мигал, будто сомневался, стоит ли вообще освещать эти полки. За стойкой сидела Нина Петровна — женщина с лицом, на котором годы оставили аккуратные, будто пронумерованные, морщины. Она знала каждый ящик, каждую папку, каждую опечатку в описях.

— Чего тебе, Рит? — спросила она, не поднимая глаз от пожелтевшей ведомости. — Опять про шахту?

— Да, — ответила Рита, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Мне нужны старые радиозаписи. Любые: сводки, трансляции, любительские эфиры. Всё, где есть странные частоты или помехи.

Нина Петровна наконец посмотрела на неё. В её взгляде мелькнуло что-то вроде усталого понимания.

— Ты про то, что все называют «шумом Глухово»? — тихо спросила она. — Я думала, об этом уже никто не вспоминает.

Рита замерла.

— Ты знаешь?

— Знаю, — кивнула Нина Петровна. — В семидесятых тут была любительская радиостанция. Парни из техникума собирали приёмники, ловили космос, а поймали… это. Они называли это «голосом из камня». Говорили, что он приходит на частоте, где не должно быть ничего.

Она встала, подошла к дальнему стеллажу и достала картонную коробку с надписью «Радиолюбители, 1974–1978». На крышке был наклеен листок с пометкой, сделанной дрожащей рукой: *«Не слушать в одиночку»*.

— Держи, — сказала Нина Петровна, протягивая коробку. — Но, если услышишь что-то… не пытайся отвечать. Старые люди говорили: когда отвечаешь, оно запоминает твой голос.

Рита взяла коробку, чувствуя, как пальцы холодеют. Внутри лежали катушки с магнитной лентой, пожелтевшие блокноты и несколько кассет с неразборчивыми пометками. На одной из катушек была наклейка: *«Запись 17. Странный сигнал. 12.11.1975»*.

Она вытащила её и пошла в маленькую комнату прослушивания — тесное помещение с обшарпанным магнитофоном, который, казалось, сам боялся включать себя. Рита вставила катушку, нажала «Воспроизведение» и замерла.

Сначала был обычный шум — треск, шипение, обрывки музыки, которые тонули в помехах. Потом — пауза. И вдруг звук изменился. Он стал глубже, тяжелее, будто кто-то медленно провёл ногтем по внутренней стороне черепа. Частота была знакомой — той самой, которую вчера показал диктофон Ольги: 44,1 Гц.

Из динамиков раздался голос. Не слова, а ритм, похожий на удары сердца, которое бьётся не в груди, а в толще камня. Потом — шёпот. Тихий, прерывистый, будто его произносили сквозь воду. И вдруг — фраза, искажённая помехами, но всё же понятная:

«Мы здесь. Мы ждём…»

Рита почувствовала, как по спине пробежал холод, не от сырости подвала, а от чего-то внутри — будто этот голос знал её имя, хотя она никогда его не называла. Перед глазами мелькнуло воспоминание, которого не могло быть: маленькая девочка прячется в подвале, пока

над головой рушится дом. Это было её воспоминание — но не из её детства. Это было воспоминание кого-то другого, кто когда-то сидел в этом же подвале и слушал этот же голос.

Она резко выключила магнитофон. Комната наполнилась тишиной, но тишина эта была не пустой — она дышала.

В блокноте, лежавшем рядом с катушками, Рита нашла записи радиолюбителя по имени Андрей. Его почерк был неровным, будто он писал дрожащей рукой:

«12.11.1975. Сегодня снова поймал этот сигнал. Он не статичен. Он… меняется. Вчера это был просто гул. Сегодня — голос. Он говорит не словами, а эмоциями. Когда я слушаю, я чувствую чужой страх — такой сильный, что у меня сводит пальцы. Я не знаю, откуда он приходит. Но я знаю, что он был здесь всегда. И будет всегда. Мы думаем, что это помехи. Но это не помехи. Это память.»

На полях было приписано другим почерком, более твёрдым:

«Не пытайся расшифровать. Это не язык. Это боль, которая научилась говорить.»

Рита закрыла блокнот, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Теперь она понимала: «адское радио» не появилось вчера и не началось с болта. Оно вещало десятилетиями. Оно ждало, когда кто-то снова его услышит.

Она вышла из комнаты прослушивания, держа коробку в руках, как что-то живое, что может вырваться и закричать. Нина Петровна посмотрела на неё и тихо сказала:

— Видела что-то?

Рита кивнула, не в силах говорить.

— Тогда слушай, — продолжила Нина Петровна. — Старики говорили, что этот голос — эхо всех, кто когда-либо кричал в этих местах. Шахты, обвалы, пожары, войны — всё это оставило след. И теперь этот след научился говорить. Но он не хочет, чтобы его слушали. Он хочет, чтобы его услышали.

Рита сжала коробку крепче.

— Что мне делать? — прошептала она.

— Расскажи тем, кто должен знать, — ответила Нина Петровна. — Но не пытайся бороться с этим звуком. Его нельзя выключить. Его можно только… понять. Или хотя бы перестать бояться.

Рита шла по улице, прижимая коробку к груди, и чувствовала, как каждый шаг отдаётся в ушах странным эхом. Город больше не казался ей мёртвым — он казался живым. И этот живой город шептал.

Когда она добралась до дома, где остановилась Ольга, дверь открылась почти сразу — будто Ольга ждала её. В её глазах читался вопрос, на который Рита теперь знала ответ.

— Я нашла его, — сказала Рита, протягивая коробку. — Это вещает уже много десятилетий. И оно… помнит.

Ольга посмотрела на коробку, потом на Риту, и в её взгляде мелькнул ужас понимания.

— Значит, это не случайность, — тихо сказала она. — Это… система.

— Да, — кивнула Рита. — И мы в неё попали.

Они сели рядом, и Рита рассказала всё: про катушки, про записи, про слова в блокноте. Ольга слушала, не перебивая, только время от времени касалась пальцами висков, будто пыталась удержать в голове то, что там начинало рассыпаться.

— Получается, — прошептала Ольга, — этот звук не просто приходит из шахты. Он приходит из… всего. Из каждого крика, который когда-либо звучал здесь.

— Да, — подтвердила Рита. — И теперь он нашёл тебя. Потому что ты умеешь слышать.

В этот момент диктофон Ольги тихо завибрировал. Экран снова показал ту самую частоту. Но на этот раз из динамика не шёл голос. Шёл звук, который они оба узнали: тихий, едва уловимый скрип ржавого металла, будто где-то далеко кто-то очень медленно поворачивал болт, который никогда не должен был двигаться.

Ольга подняла глаза на Риту.
— Он снова зовёт, — прошептала она. — И я не знаю, смогу ли не ответить.

Глава 5. Запись поверх боли

Ольга сидела на полу, прислонившись спиной к холодной стене, будто надеялась, что камень удержит её на месте, не даст рассыпаться. Перед ней лежал диктофон — маленький, почти безобидный на вид, как игрушка, которую ребёнок берёт с собой в темноту. Но Ольга знала: это не щит. Это дверь. И она собиралась её запереть.

Рита стояла у окна, вглядываясь в серую улицу, будто ждала, что город вот-вот сделает вдох и заговорит.

— Ты уверена? — тихо спросила она, не оборачиваясь. — Если это… реагирует на голос, может, лучше не дразнить.

Ольга сжала губы. Её пальцы дрожали, но не от страха — от напряжения, от желания сделать хоть что-то, чтобы вернуть себе контроль.

— Я не дразню, — ответила она, голос прозвучал твёрже, чем она чувствовала себя. — Я перекрываю. Я дам этому звуку что-то своё. Не чужую боль — а мою. Пусть он захлебнётся в моём голосе.

Она нажала кнопку записи. Сначала — тишина. Та самая, плотная, липкая, которая теперь казалась живой. Потом — лёгкий треск, похожий на то, как ломается тонкая корка льда. И из динамика вырвался тот самый гул — низкий, вибрирующий, будто земля под городом дышала тяжело и неровно. Частота на экране прыгнула: 44,1… 47,3… 52,8 Гц. Цифры бежали, как паника.

Ольга закрыла глаза и заговорила. Не криком — ровным, спокойным голосом, будто читала лекцию о звуке, о спектрах, о том, как тишина — это тоже сигнал. Она рассказывала о своём детстве: как пряталась под одеяло, когда за окном гремел гром, и как научилась слышать в этом громе не угрозу, а ритм. Рассказывала о первом микрофоне, который ей подарили на день рождения, о том, как она записывала шёпот ветра и думала, что это — музыка.

И вдруг случилось нечто странное. Гул не исчез — он… изменился. Он начал подстраиваться под её голос, как эхо, которое учится говорить. Слова Ольги, её интонации, даже паузы — всё это подхватывалось и искажалось, будто кто-то повторял за ней, но на языке, где смысл растворялся в вибрации.

На экране частота замерла на отметке 58,2 Гц — и тут же пошла вниз, как будто звук сдавался. Но вместо тишины пришёл новый ужас: из диктофона полился шёпот — не чужой, а её собственный. Тот самый, который она только что произнесла, но теперь он звучал так, будто говорил не она, а кто-то внутри неё. И этот «кто-то» знал вещи, которых она не могла знать.

«Ты думаешь, ты закрываешь дверь, — прошептал её же голос, но с чужой интонацией, с чужой болью. — Но ты просто даёшь ему имя. Теперь он знает, как тебя звать.»

Ольга отшатнулась, выронив диктофон. Он ударился о пол, но не выключился. Экран мерцал, как больной глаз.

В этот момент в комнате стало темнее — не от того, что погас свет, а будто сама тень стала гуще. На стенах появились тонкие, едва заметные линии — они двигались, как трещины, которые ползут по стеклу, но не разбивают его, а делают тоньше. Рита вскрикнула и отступила к двери.

— Что это? — её голос дрожал.

— Это… он слушает, — прошептала Ольга, чувствуя, как холод ползёт по позвоночнику. — Он не просто слышит. Он запоминает. И теперь… он примеряет мой голос, как чужую кожу.

Из диктофона снова раздался звук — на этот раз не шёпот, а тихий, ритмичный стук, похожий на удары сердца. Но ритм был неправильным: слишком быстрый, слишком рваный, будто сердце билось не в груди, а в толще камня, глубоко под землёй. И с каждым ударом на стенах появлялись новые линии — тонкие, как царапины, но глубокие, как шрамы.

Вдруг Ольга почувствовала запах — резкий, металлический, как кровь на морозе. Она обернулась и увидела, что на подоконнике, где минуту назад ничего не было, лежит ржавый болт. Тот самый. Он не мог там оказаться — она оставила его в цехе. Но вот он, холодный, тяжёлый, будто только что вытащили из стены. И на его поверхности были выцарапаны буквы — неровные, будто их писали в темноте дрожащей рукой. Буквы складывались в слово, которого Ольга не знала, но которое отозвалось в её памяти чужим воспоминанием: *«Не останавливайся»*.

Рита схватила коробку с архивными записями и швырнула её на стол. Катушки покатились, одна упала и раскрутилась, выпуская ленту, которая ползла по полу, как змея.

— Мы не можем бороться с этим звуком, — закричала она. — Мы не можем его перекричать! Он не слышит слов! Он слышит… страх!

Но Ольга уже не слушала. Она снова схватила диктофон, нажала «Запись» и заговорила — на этот раз громче, почти крича. Она рассказывала не о себе — она рассказывала о городе. О том, как он стареет, как его кости скрипят, как в его венах течёт вода, смешанная с угольной пылью. Она говорила о людях, которые жили здесь, о тех, кто кричал в темноте и кого никто не услышал. Она пыталась наполнить эфир своим голосом так плотно, чтобы в нём не осталось места для чужого шёпота.

Частота на экране снова прыгнула — теперь вверх, к 60 Гц, потом к 72, потом к 85. Цифры сливались в одну мерцающую линию. И вдруг — тишина. Абсолютная, звенящая, как после взрыва.

А потом из диктофона раздался звук, от которого кровь стыла в жилах. Это был не гул, не шёпот, не стук. Это был плач. Тихий, прерывистый, будто ребёнок плакал в темноте, но голос был взрослым, измученным, и он звал кого-то по имени. По её имени. Но не так, как звали её родители, не так, как звали друзья. Так, как зовут тех, кто уже давно должен был уйти, но остался.

«Оля… — прошептал голос. — Оля, ты здесь? Мы так долго ждали…»

Ольга закричала — и её крик смешался с этим плачем, с гулом, с эхом тысяч голосов, которые когда-либо звучали в этом городе. Стены дрогнули, и по ним побежали трещины — не тонкие линии, а глубокие разломы, из которых сочилась тёмная влага, пахнущая углём и старой кровью.

Дверь распахнулась, и на пороге стоял Глеб. Его лицо было белым, как мел, а в глазах читался ужас человека, который слишком хорошо знал, что сейчас происходит.

— Выключи, — прохрипел он. — Прямо сейчас. Ты не перекрываешь боль. Ты открываешь шлюзы. Ты даёшь ему путь.

Ольга нажала кнопку. Диктофон щёлкнул, и тишина вернулась — но теперь она была другой. Она дышала. Она ждала.

Глеб подошёл к ней, схватил за плечи и встряхнул — не грубо, но так, чтобы она посмотрела ему в глаза.

— Этот звук не прощает, — сказал он. — Он не забывает. И теперь он знает твой голос. Он будет искать тебя. В каждом скрипе, в каждом шорохе, в каждом сне.

Рита подняла с пола катушку, с которой всё ещё тянулась лента. Она смотрела на неё, как на ядовитую змею.

— В архиве было ещё кое-что, — прошептала она. — Записи семидесятых. Там есть момент, когда радиолюбители пытались сделать то же самое — записать свой голос поверх сигнала. Они думали, что победят его. Но после этого… они начали слышать голоса в своих головах. Один из них выбросился с крыши. Другой сошёл с ума и до конца жизни шептал, что «камень поёт ему колыбельные».

Ольга села на пол, обхватив колени, и почувствовала, как по её коже бегут мурашки, будто кто-то очень медленно водил по ней ржавым гвоздём. Она посмотрела на диктофон, лежащий рядом, и ей показалось, что он тихо вибрирует, будто внутри него что-то шевелится.

— Значит, я не победила, — прошептала она. — Я просто… подписалась.

Глеб опустился рядом с ней на корточки и положил руку ей на плечо. Его пальцы были холодными, но в этом холоде было что-то настоящее, что-то живое.

— Не всё потеряно, — тихо сказал он. — Есть способ. Не перекрыть. А… заземлить. В шахте есть место — старый дренажный тоннель. Там стены выложены свинцовыми плитами. Говорят, они гасят этот звук. Если мы доберёмся туда, мы сможем… приглушить его. Хотя бы на время.

Рита посмотрела на них обоих, и в её глазах читалась решимость человека, который понял: бежать поздно. Надо идти вперёд.

— Тогда идём, — сказала она. — Пока он не научился говорить моим голосом.

Пока они собирались, Ольга бросила последний взгляд на диктофон. Экран был тёмным, но ей казалось, что в этой темноте что-то мерцает — слабый, прерывистый свет, похожий на далёкий сигнал маяка. Или на чей-то пульс.

Город за окном был тих. Но тишина эта была обманчивой. Она ждала. И теперь она знала имя той, кто пытался её победить.

Глава 6. Голос в чужих снах

Ольга не спала. Она сидела на подоконнике, сжимая колени, и смотрела, как город медленно растворяется в сером рассвете. Но рассвет не приносил облегчения — он лишь делал тени длиннее, а тишину — тяжелее. В кармане куртки тихо вибрировал диктофон, будто внутри него кто-то пытался выбраться. Ольга не включала его. Боялась.

Рита спала на раскладушке, свернувшись в тугой узел, как человек, который привык ждать удара. Глеб ушёл ещё ночью — сказал, что должен проверить старые стволы: «Пока там тихо, надо успеть». Ольга осталась одна — и это было самое страшное.

В дверь постучали. Не громко, не настойчиво — так стучат те, кто знает, что ты всё равно не сможешь не открыть.

На пороге стояла незнакомая женщина. Маленькая, хрупкая, в старом пальто, которое было ей велико, будто она когда-то была крупнее, а потом просто высохла. В руках она держала потрёпанную папку. Её глаза были пустыми, как окна заброшенного дома.

— Ты Ольга? — спросила она, и голос её звучал так, будто слова давались ей с трудом, будто каждое из них царапало горло. — Я Тамара. Сестра Кости. Того, что погиб в обвале… с Глебом.

Ольга кивнула, чувствуя, как холод ползёт по спине.

— Проходи, — прошептала она, отступая.

Тамара вошла, но не села. Она стояла посреди комнаты, будто боялась оставить след на полу.

— Мне снился сон, — сказала она, глядя куда-то мимо Ольги, в угол, где тени были особенно густыми. — И в этом сне… я слышала твой голос.

Ольга замерла.

— Мой?

— Да, — кивнула Тамара, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на ужас. — Ты говорила со мной. Но не здесь. Ты говорила… изнутри сна. Ты рассказывала мне про шахту. Про каменные ленты. Про то, как они помнят. И ты звала меня. Ты просила меня не уходить.

У Ольги задрожали пальцы.

— Я… я не могла. Я не сплю. Я вообще не ложилась.

— Я знаю, — тихо сказала Тамара. — Потому это и страшно. Ты не спала. А я слышала тебя. Как будто ты стояла рядом со мной в темноте и шептала мне на ухо.

В этот момент Рита села на раскладушке, протирая глаза, и тут же замерла, увидев гостью.

— Кто это? — хрипло спросила она.

— Тамара, — ответила Ольга, не отрывая взгляда от женщины. — Она… слышала мой голос во сне.

Рита резко встала, будто хотела оказаться ближе к реальности.

— Это невозможно, — пробормотала она, но в её голосе не было уверенности.

— Возможно, — прошептала Тамара. — Я не первая. Вчера соседка, Зина, разбудила меня среди ночи. Сказала, что слышала, как я кричу. А я спала. И когда я спросила, что я кричала, она сказала… она сказала, что это был не мой голос. Это был твой голос, Ольга. И ты говорила на языке, которого никто не знает.

Ольга почувствовала, как земля уходит из-под ног.

— Значит, я… — она сглотнула, — я теперь передатчик.

Тамара кивнула, и её лицо исказилось от боли.

— Адское радио нашло способ говорить. Оно использует твой голос, чтобы проникать в сны. Оно хочет, чтобы люди слышали. И оно хочет, чтобы они боялись.

В этот момент в коридоре раздался странный звук — не шаги, не скрип, а будто кто-то очень медленно водил ногтем по металлической стене. Все трое замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.